

На пути к гуманистической биологии*

Куда только ни заводили меня приключения в мире психологии, и я оказывался там, где заканчивались границы традиционной науки — по крайней мере той, которой меня когда-то обучали.

В 30-х годах меня заинтересовали некоторые психологические проблемы и вопросы, на которые, по моему мнению, нельзя ответить и с которыми невозможно справиться в рамках классической психологии как науки, сложившейся к тому времени (бихевиористской, позитивистской, научной, безоценочной, механоморфической). Я стал формулировать закономерно возникавшие вопросы, и мне пришлось выработать иной подход к решению этих проблем. Постепенно на этой основе сформировалась общая философия психологии, науки в целом, философия религии, труда, менеджмента, а сейчас и биологии. Фактически появилось новое мировоззрение (Weltanschauung).

* Это фрагменты моих работ, созданных в марте-апреле 1968 года по просьбе директора Salk Institute of Biological Studies; я надеялся, что они подвергнут сомнению безоценочную концепцию биологии и будут способствовать гуманистическому философскому подходу к биологии. В этих заметках я не уделял внимания вопросам, выходящим за пределы биологии, сконцентрировав внимание на тех аспектах, которые, как я полагал, до этого не рассматривались или которые не обсуждались достаточно часто, либо я был не согласен с их трактовками.

Сегодня психология представляет собой не однородное целое, а множество разнообразных направлений исследования. Если попытаться хоть как-то систематизировать эти современные направления психологической мысли, то можно сказать, что существует по меньшей мере три основных таких направления и соответственно три разобобщенные группы ученых. Первая группа — это бихевиористы, сторонники объективного подхода и механического подхода, позитивисты. Ко второй относятся последователи Фрейда и психоанализа. К третьей относятся психологи-гуманисты, или, как еще их называют, «третья сила», это коалиция несогласных с предыдущими двумя. Именно об этой, третьей группе и пойдет речь.

Я считаю, что сторонники этого третьего направления психологической науки восприняли достижения двух предыдущих направлений, и потому обозначу их терминами «эпибихевиоризм» и «эпифрейдизм» («эпи» значит «после»). Эти термины помогут нам избежать примитивных дихотомических интерпретаций и противопоставлений, например «фрейдизм — антифрейдизм». Я считаю себя и фрейдистом, и бихевиористом, и гуманистом, и фактически мои усилия направлены на развитие психологии четвертого типа — психологии трансцендентного.

Я говорю только за себя. Даже среди психологов-гуманистов есть те, кто, скорее, склонен *противопоставлять* себя бихевиористам и психоаналитикам, считая, что в структуре психологии как науки им не должно быть отведено никакого места. Я считаю, что они балансируют на грани с антинаучным и иррациональным, восторженно преувеличивая роль «опыта». Но, поскольку лично я считаю опыт лишь первым шагом познания (шагом необходимым, но не единственно возможным) и поскольку я считаю, что развитие знания и развитие науки — это и есть наша главная цель и надежда, лучше я буду высказывать исключительно собственную точку зрения.

Я сам решил размышлять свободно, развивать теории, строить предположения и полагаться на собственную интуицию, стремясь пред-

сказать будущее. Я добровольно стал первопроходцем, разведчиком, придумывая новое, а не применяя уже известное, проверяя свои идеи на истинность. При этом я считаю, что те ученые, которые *лишь* проверяют теории на истинность, совершают ошибку.

Тот, кто стал первопроходцем, творцом, исследователем, обычно одинок и не примыкает ни к какой группе, в одиночестве сражается с самим собой, преодолевает собственные страхи, противостоит высокомерию и гордыне, даже противостоит паранойе. Он должен быть мужественным, не бояться рисковать, совершать ошибки и понимать, что он, как говорил Полани [126], похож на игрока, который, не имея под рукой фактов, выдвигает смелые предположения, а потом в течение нескольких лет пытается понять, правильно ли он действовал. Если он обладает здравым смыслом, то он опасается своих безрассудных идей и понимает, что далеко не всегда сможет обосновать свои утверждения. Именно так и я иду на риск, полагаюсь на интуицию и делаю утверждения.

Я считаю, что нам не избежать обсуждения нормативной биологии, даже если тем самым мы подвергнем сомнению всю историю и философию западной науки в целом. Я убежден, что безоценочная, нейтральная модель науки, которую мы заимствовали из физики, химии и астрономии, там, где требовалось обеспечить чистоту научных данных и защиту науки от вмешательства церкви, абсолютно не годится для научного познания живых существ. И еще более очевидно, что эта безоценочная философия науки не годится для изучения человека, где принципиально важно становится осознать значение ценностей личности, ее целей и намерений, и это абсолютно необходимо для того, чтобы понять каждого человека, и даже для того, чтобы достичь тех целей, которые ставят перед собой наука, прогнозирование будущего и стремление контролировать [человеческую жизнь].

Я знаю, что в области эволюционной теории кипят жаркие споры о направлении, целях, телеологии, витализме, конечных целях и тому подобном — лично я считаю, что все эти дебаты только создают еще большую

неразбериху, — но у меня складывается впечатление, что обсуждение таких проблем на уровне личной психологии человека помогает прояснить ситуацию и мыслить более конкретно.

Можно бесконечно спорить на тему автогенеза в эволюции или о том, могут ли случайные совпадения задать направление эволюции. Но мы не имеем права рассуждать так, когда речь заходит о человеке. Нельзя утверждать, что кто-то стал хорошим врачом случайно, так что пришло время окончательно отказаться от рассуждений подобного рода. Что касается меня, то я не принимаю участия в дебатах о механическом детерминизме и не буду утруждать себя поисками аргументов на эту тему.

Идеальные образцы и «статистика идеалов»

Я предлагаю обсудить и изучить примеры использования отобранных идеальных образцов (лучших особей) в качестве примеров биологического идеала, чтобы изучить высшую степень реализации возможностей человека. Вот несколько примеров: в своих исследованиях я сталкивался с тем, что люди с высокой степенью самоактуализации — самые психологически благополучные люди, психологически «более развитые» люди, также более успешны в сфере познания и восприятия мира. Это справедливо даже на уровне ощущений; меня ничуть не удивило бы, если бы в ходе эксперимента у них была бы выявлена способность различать тончайшие оттенки цвета или другие способности. Я как-то начал и не завершил эксперимент с одним «биологическим экземпляром». В ходе этого эксперимента я тестировал всех первокурсников Брандейского университета по самым прогрессивным методикам того времени, используя психиатрическое собеседование, проективные тесты, тесты достижений, — и выбрал из них 2% самых здоровых опрошенных, среднестатистические 2%, а также 2% наименее здоровых.

Мы планировали затем тщательно исследовать эти три группы испытуемых с помощью тестов, выявляющих сенсорные, перцептивные и когни-